

TARTU RIIKLIKÜ ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 209 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ
XI
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

ТАРТУ 1968

«ИСКРА» И М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

(по материалам хроник
«Наша общественная жизнь»)

П. С. Рейфман.

Вопрос о связи сатиры «Искры» с «Нашей общественной жизнью» М. Е. Салтыкова-Щедрина неоднократно затрагивался в литературоведении. Этому вопросу посвящены статьи В. В. Гиппиуса «М. Е. Салтыков — сотрудник «Искры», «Литературное окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина», «Салтыков и журнальная полемика 1864 года»¹, ему уделяет значительное внимание И. Г. Ямпольский². У Щедрина и сотрудников «Искры» обнаружен ряд сходных образов, мотивов, приемов; установлено значительное количество параллелей. Но нет специального исследования, посвященного сопоставлению «Искры» и «Нашей общественной жизни». Такое сопоставление, в котором привлекаются почти одновременные отклики Щедрина и «Искры», имеет определенный интерес.

Хроники «Нашей общественной жизни» и «Искра» за 1862—1864 гг. содержат довольно много сходного. Так, например, в мартовской хронике «Нашей общественной жизни» (1864) Щедрин упоминает биржу и обезьян: «Если вы посещали, читатель, петербургскую биржу весной, то, конечно, имели возможность наблюдать за неутомонною деятельностью обезьян»³. Сейчас такое упоминание без комментариев кажется неясным, но читатель начала 1860-х гг. хорошо понимал, что речь идет о весьма популярной в то время ежегодной весенней выставке животных, устраиваемой в Биржевом сквере. Этой выставке посвящены и карикатуры, опубликованные в №№ 21, 22 «Искры» (1864). На одной из них (стр. 312) изображен щёголь, стоящий перед клеткой с обезьянами. Но следует ли говорить в подобных случаях о влиянии? Можно предположить, что упоминание о выставке в «Нашей общественной жизни» обратило на себя внимание «Искры», что щедринское сопоставление обезьян и *enfants terribles* отразилось как-то в карикатуре, сближающей щёголя и обезьян. Однако, такие предположения вряд ли правомерны. Выставка была широко известна сама по себе, о ней неоднократно писали в газетах (см., напр., «Голос», 1863, № 109). Маловероятно, что отклики Щедрина и «Искры» на выставку прямо взаимосвязаны.

Публицисты одного и того же времени, наблюдавшие одни и те же события, интересовавшие общество, откликались на них, и было бы наивно

¹ См. «Родной язык в школе», 1927, № 2; Уч. зап. Пермского университета, № 1 Обществен. науки вып. 1, 1929; Лит. наследство, т. 11—12, 1933. т. 11—12, 1933.

² И. Ямпольский, Сатирическая журналистика 1860-х годов, М., 1964. В дальнейшем: Ямпольский.

³ Н. Щедрин, Полн. собр. соч., т. VI, М., 1941, стр. 327. В дальнейшем в тексте, в скобках, указывается страница.

усматривать в каждом сходном отклике результаты литературного влияния, свидетельство идейно-художественной близости. В изданиях самого различного направления можно встретить те же сообщения о многих фактах политической, общественной, культурной, литературной жизни, часто весьма важных, иногда довольно мелких. Буквально во всех журналах и газетах в 1862—1864 гг. писалось о пожарах, «нигилизме», материализме, о романе Тургенева «Отцы и дети», о восстании в Польше. Многократно шла речь о куклеване в пиве, о проекте газового освещения, обществе водопроводов, стулья на Невском проспекте, гастрольях Вагнера, Верди, Тамберлика и т. п.

Такие упоминания о событиях, хорошо всем известных, далеко не всегда определялись направлением издания, но уже в отборе фактов и, особенно, в их осмыслении вырисовывалась идейно-художественная общность или разница. Такая общность отчетливо заметна при изучении содержания «Искры» и «Нашей общественной жизни».

И Щедрин и «Искра» решительно выступают в защиту революционно-демократической идеологии, осуждают правительственную и общественную реакцию, усилившуюся после 1862 г. В январско-февральской хронике (1863), открывающей «Нашу общественную жизнь», Щедрин противопоставляет демократическую молодежь, «мальчишек» «благонамеренным», утверждая, что «мальчишество — сила, а сословие мальчишек — очень почтенное сословие» (53). Сатирик издевается над «благонамеренными» обывателями, объясняющими все «несчастья» происками «нигилисту»: «Тявкнет ли на улице шавка — благонамеренные кричат: это нигилисты подучили ее; пойдет ли безо времени дождь, благонамеренные кричат: это нигилисты заговаривают стихи!» (50). О «нигилистах» неоднократно идет речь и в «Искре». Им посвящены «Рапсодии о нигилизме» В. Курочкина (1863, № 11), ряд карикатур (1862, №№ 41, 44).

И Щедрин и «Искра» откликаются на пожары 1862 г., вину за которые реакция пыталась взвалить на революционеров. Щедрин с негодованием клеймит слухи о «поджогах», используемые «благонамеренными», «чтоб обвинить нигилистов» (50). О пожарах писала и «Искра», опровергая клеветнические обвинения в поджогах, отрицая связь пожаров с революционными прокламациями (1862, № 22, стр. 311, № 26, стр. 359) ⁴

Щедрин и «Искра» высмеивают официальный «патриотизм», шовинистический угар, отравивший значительную часть общества во время польского восстания 1863 г. Этот «патриотизм» проявлялся часто самым нелепым образом. Так, в сентябрьской хронике (1863) Щедрин с сарказмом повествует о проекте дам-«патриоток», решивших не покупать иностранных тканей, чтобы тем нанести урон европейским государством, сочувствующим восставшим полякам: «Даже дамы, и те спешили принести на алтарь отечества скромную умственную лепту, в виде проекта о неношении одежд из материй, производимых неприязненными нам государствами» (147). На тот же проект, видимо, намекает «Искра», публикуя следующую карикатуру: «Он — И зачем тебе так много шелковых платьев? Она — Надо же нам поощрять русские мануфактуры. Он — Да у меня денег нет. Она — Стыдись, а еще называешь себя патриотом.» (1863, № 21, стр. 290). Ирония над подобным рода «патриотизмом» еще отчетливее ощущается в карикатуре, помещенной в № 29 за тот же год (стр. 393): «Дама — Дайте мне посмотреть шаль. — Вам какую, сударыня? Французскую-с? Дама — Ах, нет, нет! Русскую, непременно русскую. Дайте мне хоть Лионскую.»

Можно было бы привести еще ряд откликов, в которых сказано сходное отношение Щедрина и сотрудников «Искры» ко многим жизненным явлениям, порожденным обстановкой реакции (азесты революционеров, верноподданические тосты, попытки Юркевича разгромить материализм и т. п.). К таким откликам относится и оценка определенных тенденций в журналистике и литературе. В «Нашей общественной жизни» и в «Искре» многократно идет речь о Каткове, причем часто затрагиваются одни и те же

⁴ Ямпольский, стр. 177—178.

детали. Так, например, говоря в январско-февральской хронике о продажной реакционной литературе, о Каткове, Щедрин упоминает пропавший «четвертак», исчезнувшие из редакции «Русского вестника» сочинения Гнейста: «так остроумно выразился московский публицист, М. Н. Катков: четвертака, дескать, при них плохо не клади — стащут! < . > стало быть, действительно у него или у присных его кто-нибудь из литераторов стянул четвертак. Ведь заявлял же он некогда, что некто стянул у него сочинения Гнейста» (44). О «четвертаке» Щедрин писал и позднее, в сентябрьской хронике (1863), в связи с рассуждениями о «благонамеренности» (137), в январской хронике (1864), по поводу отказа значительной части публицистов «от независимости и твердости убеждений» (254).

О «четвертаке» и Гнейсте шла речь и в «Искре», В № 40 (1862), в сцене «В Мясницкой части», Катков жалуется на пропажи, которые имели место за время издания им «Русского вестника»: «Из шкатулки моей пропал четвертак, пропал Гнейст .» (стр. 523—524).

Высмеиваются претензии Каткова влиять на характер отдельных правительственных мероприятий, его выступление против английской концессии на постройку железной дороги Москва—Севастополь. В сентябрьской хронике (1863) Щедрин иронизирует над «прекраснейшим проектом чувств», который «по этому предмету почтенная газета⁵ начертала». (149). О проекте строительства московско-севастопольской железной дороги, приезде для переговоров англичанина Гопа, рассуждениях «Московских ведомостей» о концессии говорится и в «Искре» (1863, № 34, стр. 457). В «Искре» и в «Нашей общественной жизни» печатаются сходные иронические отклики на заметки Фета «Из деревни», опубликованные в «Русском вестнике» и отразившие недовольство автора послереформенными отношениями, складывающимися между помещиками и вольнонаемными работниками и якобы не выгодными для землевладельца (см. «Искру», 1863, № 23, «Мечты и действительность» М. Бурбонова-Минаева; 1864, № 24, «Взбаломученные свиньи», апрельскую хроника «Нашей общественной жизни» за 1864 г.)^{5а}.

И Щедрин, и «Искра» резко критикуют т. наз. «антинигилистический роман», в пасквильных тонах изображавший революционное движение. Сходные оценки даются антинигилистическому роману А. Ф. Писемского «Взбаломученное море». Его имеет в виду Щедрин в мартовской хронике «Нашей общественной жизни» за 1863 г. (75). О нем говорится в сентябрьской хронике за тот же год: «Нет сомнения, что тот, кто в состоянии выдержать несколько таких чтений, кто исподволь приучит себя к той атмосфере, которая лучеобразно от него распространяется, тот может сказать с уверенностью < . > что и запах гутуевских боен на него не подействует» (503). «Взбаломученное море» упоминается в декабрьской хронике за 1863 г. (238); в мартовской хронике за 1864 г. Писемский, хотя его имя прямо не названо, приводится как пример тех реакционных писателей, которые, не затрудняя себя доказательствами, просто заявляют: «молодое поколение — это социалисты, материалисты, жулики, нигилисты, мазурики и прелюбодейцы, а затем начинают рассказывать анекдоты о том, как некто Басардин⁶ украл золотую табакерку» (323).

Решительно осуждает роман Писемского и «Искра». О «Взбаломученном море» говорилось в сценах Минаева «Ба! знакомые все лица» (1864, № 1), в «Искорках» (1864, № 38)⁷. Слово «взбаломученный», с иронической ориентацией на название романа Писемского, неоднократно употребляется в «Искре» (сцены «Взбаломученные свиньи», 1864, № 24, карикатура на «Голос», 1864, № 13. См. стр. 347.)

⁵ Т. е. катковские «Московские ведомости» — П. Р

^{5а} Ямпольский, стр. 262.

⁶ Персонаж романа «Взбаломученное море».

⁷ Ямпольский, стр. 293.

И «Искра», и Щедрин едко высмеивают реакционный роман В. П. Ключникова «Марево». В «Искре» опубликован фельетон И. Н. Россинского «Старый и новый романисты» (1864, № 22), в котором под видом иронической похвалы содержится уничтожающая критика Ключникова⁸ О «Мареве», его герое Русанове говорит в «Нашей общественной жизни» и Щедрин (293, 318—322, «Литературное наследство», т. 67, М., 1959, стр. 350), отмечая, что при чтении романа возникает впечатление, будто «провел несколько часов в обществе милого, образованного и талантливое квартального надзирателя» (293).

В силу ряда причин значительная часть общества в 1860-е гг. склонна была рассматривать роман Тургенева «Отцы и дети» как произведение «антинигилистического» направления. Такая трактовка являлась, конечно, ошибочной, но ее принимал ряд демократических изданий, в том числе «Современник». Она определила оценку «Отцов и детей» Щедриным и «Искрой». О романе Тургенева говорится в январско-февральской и майской хрониках «Нашей общественной жизни», за 1863 г. (46—47, 130—132), в мартовской хронике за 1864 г. (326). По мнению сатирика, слово «нигилизм» изобретено Тургеневым, симпатии которого целиком на стороне «отцов». Щедрин иронизирует над сотрудниками «Русского слова», восторженно встретившими тургеневского Базарова, который воспринимается автором «Нашей общественной жизни» как один из отрицательных персонажей «антинигилистического» плана.

Подобным образом истолковывается роман Тургенева и в «Искре». В № 15 (1862) опубликован фельетон Минаева «Отцы или дети?» В нем, как и у Щедрина, утверждалось, что Тургенев на стороне «отцов»: «Кто нам милей — отцы или дети? Отцы! Отцы! Отцы! О романе шла речь в «Галерее отцов и детей», «Распосдиях о нигилизме», в «Сущности женской любви по мнению отцов» (1862, № 20, 1863, № 11, 13)⁹. В фельетоне М. А. Воронова (псевдоним: Тертый Побирухин) «На даче» изображен некий шалопаи и пустомеля, который восхищается произведением Тургенева и объявляет себя «нигилистом». Во время прогулки с барышней «герой» пинает ногой лягушку. Зачем так делать? — спрашивает его спутница. «Я нигилист, отвечал он. — Это что такое? — Разве вы не читали последнего романа Тургенева, «Отцы и дети»? — спросил он. — Нет. — Прочтите. Там все это изъяснено. Нигилистом, — прибавил он, — называется человек, который потрошит лягушек <. > Этот роман стоит почитать. Там все такие лица выведены: один с лягушками возится, другой ногти себе в аршин отпускает, третий — просто дурак» (1862, № 30, стр. 401). Образ шалопаи, считающего себя «нигилистом» перекликается с щедринской характеристикой «вислоухих» в мартовской хронике «Нашей общественной жизни» (1864): они «из бесмыслицы сделали себе знамя <. > Это уж такая несчастная страсть — красоваться глупостями, беседовать о глупостях и лезть на стену по поводу глупостей» (326).

В № 1—2 журнале «Эпоха» (1864) была опубликована повесть Тургенева «Призраки». Демократическая журналистика отнеслась весьма скептически к новому произведению, осуждая автора за отрыв от действительности, фантастику, пессимизм. Редакция «Искры» поместила пародию на повесть Тургенева, поэму В. Монументова (В. П. Буренина) «Призраки» (1864, № 13). Не таинственная и прекрасная Эллис, а Ерунда оказывается спутницей автора поэмы. Сопровождая его, Ерунда вспоминает, что в свое время она так же летала с Тургеневым.

Аналогичную оценку «Призракам» дает и Щедрин в сцене «Стрижи», в статье «Литературные мелочи», тесно примыкающей к «Нашей общественной жизни». «Я полагаю, господа, что нам прежде всего следует перепечатать из той же «Эпохи» новое произведение И. С. Тургенева», — говорит первый стриж. Стриж третий поддерживает это предложение: «Я по-

⁸ Ямпольский, стр. 249—250, 293.

⁹ Там же, стр. 182.

лагаю даже, что не худо будет перепечатывать его в каждой книжке нашего журнала» (468). Из «Литературных мелочей» «Стрижи» позднее попали в «Искру» (см. фельетон И. Н. Россинского «Двойник. Приключение Федора Стрижева», направленный против Достоевского, 1866, №№ 12—14)¹⁰. В № 9 почвеннического «Времени» (1862) напечатано объявление об издании журнала на будущий год. В объявлении, наряду с критикой реакционной журналистики, содержались резкие выпады в адрес революционных демократов, «свистунов, свистящих из хлеба». Щедрин в январско-февральской хронике «Нашей общественной жизни» истолковывает высказывания «Времени» как доносительные: «Из чести лишь одной я в доме сем свищу!» (51). В мартовской хронике он вновь иронизирует над открытием, сделанным редакцией «Времени» (73). О «хлебных свистунах» «Времени» пишет и «Искра». В ней опубликованы сцены Минаева «Ванна из почвы или галлюцинации М. М. Достоевского», написанные от лица «хлебного свистуна» (1863, № 7).

Против «нигилизма» все более рьяно выступает и либеральная печать. В мартовском номере «Отечественных записок» за 1863 г. хроникер журнала С. С. Громека заявил, что революционное отрицание («бомба отрицания», по выражению Громеки) вносит лишь смутнение в ряды борцов со старыми крепостническими порядками, усиливая позиции сторонников реакции. Щедрин и «Искра» дают отпор либеральным нападкам на революционных демократов. В майской хронике «Нашей общественной жизни» Щедрин с насмешкой пишет о «бомбе отрицания», о том, что картина, «начертанная г. Громекою <. > выдумана им из головы» и представляет собой лишь опыт «невинного порхания по цветам красноречия» (117).

О «бомбе отрицания» идет речь и в «Искре». О ней говорится в Фантах» Минаева (1863, № 26):

«Кто же над бомбами века
В жизни наплакался вволю?
Кто же? Громека».

Автор заметок «Из дневника «Искры» (М. Бурбонов — Минаев), имея в виду Громеку, задает вопрос: «Но что же это за бомбы отрицания? — спрашиваем мы. Где их отливали?» Ответом на этот вопрос служит стихотворение «Хоть служил я в артиллерии» (1863, № 20).

В конце 1850-х гг. либеральничавшие бюрократы сочли своим долгом заявить, что они не берут взятку. В декабре 1858 г. такое заявление сделал начальник петербургских женских училищ Н. А. Вышнеградский («С-Петербург. ведом.», № 281), через год — вятский прокурор А. И. Сырнев («Московские ведомости», 1859, № 260). Писатели демократического лагеря едко высмеяли эти заявления. Над ними иронизировал в «Искре» В. Курочкин («Опыты гласного самовосхваления», 1859, № 45). О них писал Добролюбов в стихотворении «Наш демон», в статье «Русские в доблестях своих» («Свисток», 1859, №№ 2, 1). Стрски Добролюбова о Вышнеградском цитировал Чернышевский в статье «Кредитные дела»¹¹ О «бескорыстии» такого рода упоминает в январской хронике «Нашей общественной жизни» за 1864 г. и Щедрин, насмешливо замечая, что «нынче чиновники не только ничего не берут, но даже огорчаются, когда замечают в просителе хотя малейшее покушение на их бюрократическое целомудрие» (253).

И Щедрин и «Искра» весьма иронически относятся к спорам, которые велись в реакционно-либеральной журналистике в связи с прениями в финском сейме о цензурном уставе. В «Нашей общественной жизни» Щедрин замечает, что «Московские ведомости» всю зиму «перепирались об этом пред-

¹⁰ Ямпольский, стр. 295.

¹¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 574.

мете с Финляндией» («Литературное наследство», т. 67, стр. 346). Аналогичный отзыв встречается и в «Искре». Корреспондент «Голоса» высмеивается там за то, что, «упомянув о финляндском сейме, одобряет тамошний цензурный устав и пространно толкует о финской национальности» (1864, № 17).

«Искра» и Щедрин критикуют мелочное обличительство, характерное для либеральных изданий. Так, Щедрин с пренебрежением отзываясь о «Голосе», «который скрипит, скрипит о ложбине, образуемой на Невском проспекте железно-когною дорогой» («Литературное наследство», т. 67, стр. 345). О «Голосе» пишет и «Искра». В № 13 (1864) газета Краевского изображена в виде квартального надзирателя, бранящего дворников и извозчиков: «Жители Петербурга начинают думать, что газета «Голос» не газета, а помощник надзирателя. Появление каждого № в квартале наводит < . > ужас: извозчики и дворники разбегаются, а куча черно-бурого снега даже взбаломучивается». Вышучивается «Голос» и в фельетоне «Добродушного господина» «Петербургские отметки», посвященного «любимейшему моему сочинителю, автору «Петербургских отметок» в «Голосе». В «Петербургских отметках» сказано особенно отчетливо никчемность либерального обличительства. Из номера в номер здесь сообщалось о неубранном снеге, о грязи на улицах, о рывтинах и канавах, образовавшихся от колес экипажей и т. п. Сама редакция «Голоса» вынуждена была признать, что многие читатели недовольны «Петербургскими отметками» (1864, № 53). «Добродушный господин» объясняет появление «Петербургских отметок», как и других публикаций подобного рода», «умеренными тенденциями», которые в последние два года (т. е. после 1862 г., с усилением реакции — П. Р.) все отчетливее ощущаются в обществе: «Авторы этих отметок, наполняющих столбцы наших ежедневных газет, с особенною горячностью и самоотвержением преподносят нам требуемые для нашего счастья правоучения и стараются искоренить зло на земле русской, зло, которое им рисуется в виде дурной мостовой, злых собак, неаккуратных дворников, пьяных извозчиков и грубых городских. Общество удовлетворяется этой картинкой и с жаром услаждается чтением отметок» (1864, № 17, стр. 250—251). В № 49 «Искры» за 1864 г. «Голос» изображен сидящим на шпилье над крышами, высматривающим материал для мелочных обличений (стр. 640).

Неоднократно объектом насмешек Щедрина и «Искры» были славянофилы, их рассуждения о Руси и Русляндии, о Западе, о молодежи и т. п. Так, в сценах Потехина «Наши в Париже» изображен «путешествующий славянофил» Вагабундов (А. Григорьев)¹² Подстать ему и Шмелев, «экспрофессор. Византийско-русского направления». Шмелев пишет статьи о «несравненной ни с чем красной астраханской рубашке, о плисовых штанах и целомудренной женской фате» (1863, № 39, стр. 537). И. С. Аксаков, Касьянов (псевдоним того же Аксакова), корреспонденты Касьянова «Из Парижа» упоминаются в стихотворении «Фанты» (см. выше). В № 50 за тот же год опубликовано стихотворение «Аксаков и молодежь». В № 2 (1864), в фельетоне «Добродушного господина» «Милые бранятся — только тешатся» высмеивается полемика между И. Аксаковым и Б. Чичериным по поводу Тамбовской губернии. Аксаков стремился доказать, что отсутствие в периодической печати корреспонденций из Тамбовской губернии позволяет сделать вывод о безразличии, заслуживающем порицания, ее обитателей к общественным вопросам. Чичерин оценил те же факты как свидетельство «громадной силы». По мнению «Добродушного господина», несмотря на кажущуюся противоположность, «разница между Борисом Чичериным и Иваном Аксаковым совершенно незначительная, между тем как в результатах они сходятся, они оба видят один и тот же туманный образ, только одному образ этот представляется головою вниз, а другому — головою вверх. Очевидно, что эта незначительная разница ни в каком случае не может быть причиной ссоры двух веселых публицистов: нечего им делить, не в чем расходиться; а если уж лукавый попутает и произойдет ссора, то ссора эта

¹² Ямпольский, стр. 242.

должна быть безобидная, игривая, веселая, по пословице: мнлые бранятся — только тешатся» (стр. 28).

Аналогичные оценки славянофилов Аксакова дает в «Нашей общественной жизни» Щедрин. Он нередко останавливается на тех же фактах, что и «Искра», так же осмысливает их. В декабрьской хронике «Нашей общественной жизни» за 1863 г. идет речь о споре Аксакова и Чичерина по поводу Тамбовской губернии. Щедрин саркастически излагает точки зрения спорящих, замечая, что спорить им не из-за чего: «Оба они любят отечество в равной степени, и вот, однако ж, заспорили и об чем же? О каком-то ничтожнейшем фстончике этого великого вопроса! О том, собственно, как приличнее любить: с участием ли языкочесания, как желает г. Аксаков, или без участия оно, как утверждает г. Чичерин!» (227). По мнению сатирика разница между выводами Аксакова и Чичерина лишь формальная: «не все ли равно, какая это любовь: молчащая или говорящая <. > Все равно, отвечаю я, ибо любовь сама по себе остается неприкосновенною и нисколько не зависящею от форм, в которых она проявляется» (230). Оценки Щедрина и «Искры» в приведенном примере совпадают почти до деталей. В обоих случаях акцентируется столь характерная для революционных демократов мысль: оттенки мнений, отдельные разногласия, взаимные обвинения идеологов разных групп господствующего лагеря не определяют сути их позиции; разногласия оказываются внешними, мнимыми; за ними скрывается главное, общее — сочувственное отношение к существующему порядку, ненависть к революционерам, борющимся за коренное изменение его. Но у Щедрина значительно более, чем в «Искре», раскрывается содержание того единства, связанного с официальным патриотизмом, к которому приходят Аксаков и Чичерин.

В майской хронике «Нашей общественной жизни» (1863) высмеяны корреспонденции Касьянова «Из Парижа», его обличения «гулящих людей» (125—132), в сентябрьской — рассуждения славянофильской газеты «День» о «Русляндии», молодом поколении и т. п. (138—146, 153—158). Все это самым непосредственным образом перекликается с отзывами «Искры» о славянофилах.

Осуждая национальную исключительность, пренебрежение к другим народам, отнюдь не сочувствуя нападкам на Европу сторонников «квасного патриотизма», почвенников, славянофилов, Щедрин и «Искра» относятся весьма отрицательно к столь характерному для русского дворянства рабскому преклонению перед иноземным, французским. Так, напр., в сценах Потехина «Наши в Париже» (1863, №№ 22, 23, 39) в сатирических тонах изображаются не только противники «Запада» — славянофилы, но и его сторонники — путешествующие русские дворяне. О подобных дворянах, отличающихся от своих слуг лишь знанием французского языка, стремящихся сохранить это единственное отличие, неоднократно говорилось в «Искре»¹³. О них шла речь и в «Нашей общественной жизни». В майской хронике (1863), полемизируя с Касьяновым, Щедрин, как и тот, осуждал поведение русских «гулящих людей» в Париже. Но сатирик совсем по-иному истолковывал факты, приведенные Касьяновым. Он доказывал, что «гулящие люди» — вовсе не представители своей страны за границей, что каждый из них — не русский, не поляк, а «просто желудочно-половой космополит» (128). В «Нашей общественной жизни» «гулящие люди», в отличие от Касьянова, определены социально. Они противопоставлены революционерам, демократическим кругам; они «отцы», а не «дети», и их поведение, которое возмущает Касьянова, вполне закономерно для «отцов»: «Да, это отцы», это они — те *гулящие* русские люди, которые даже в Баль-Мабиле не умеют канканировать с достоинством» (132).

К таким «гулящим людям» Щедрин относит и двух знатных дам, которые, желая разбогатеть, передали большую сумму денег парижским авантюристам, обобравшим их. Подробно рассказав историю ограбленных дам, Щедрин саркастически замечает: «Оказывается, что русские дамы, столь гордые в

¹³ Ямпольский, стр. 241—242.

своем отечестве, что считают для себя унижительным сообщество людей среднего рода, за границей оставляют свою кичливость и являются более ласковыми. Это и естественно <. > за границей каждый колбасник есть урожденный философ <...> А кауффёры! души кауффёры! а этот милый французский жаргон, посредством которого можно всякую пакость таким образом выразить, что от нее повеет совсем не пакостью, а благоуханием!» (134).

Аналогичный отклик на сообщение о двух русских дамах помещает «Искра». На карикатуре Степанова изображена длинная очередь дам. Они торопятся занять места в поезде, отправляющемся в Париж. Карикатуру сопровождает подпись: «Некоторые дамы едут в Париж *плясировать*¹⁴ свои капиталы». Одна из уезжающих дам обращается к своему спутнику: «Она — Adieu, mon cousin! Еду в Париж, там мои две знакомые дамы пристроили 1200000 франков. Хочется и мне попробовать счастья. Он — Так не ездите в Париж, я в Петербурге могу вас осчастливить. Она — Каким образом? Он — Как француз, осчастлививший ваших знакомых: возьму капиталы и скажу — merci!» (1863, № 25, стр. 342).

Саркастическое отношение Щедрина и редакции «Искры» к кичливым аристократам, которые с пренебрежением отзывались о родной стране, русской культуре, восхищаясь европейскими знаменитостями, всем иноземным, определило в значительной степени оценки, иногда несправедливые, ряда явлений зарубежного искусства. В «Нашей общественной жизни» Щедрин с иронией упоминает имена солистов итальянской оперы Тамберлика и Барбо, артисток французской труппы Михайловского театра Стеллы-Калас, Наталь-Арно, Мила (39, 43, 266). Он резко осуждает постановку оперы Гуно «Фауст» по либретто Барбье и Карре, восприняв оперу как искажение произведения Гете, как оплошение великих идей, связанное с буржуазной спекуляцией на искусстве: «Во Франции, например, какие-то беззастенчивые господа, Барбье и Карре, охотно берут на себя труд нанести бесчестье Гете и из бессмертной поэмы о Фаусте делают бессмысленное оперное либретто, а г. Гуно пишет на него музыку» (262). Аналогичная оценка оперы «Фауст» содержится в карикатуре, помещенной на обложке одного из номеров «Искры»: «Гете, сопровождаемый духом тьмы, является в опере «Фауст». Маргарита, украшенная драгоценностями, смотрит в зеркало, Фауст смотрит на Маргариту, Мефистофель смотрит на Фауста, публика смотрит на декорации, а Гете смотрит на все и приходит в ужас. Дух тьмы — Да, мой милый, разрушается тело, разрушается и мысль. Смотри сам, что осталось от твоих гениальных идей — ничего: они, как трупы, разложились в балетные пляски и безобразные оперные либретто» (1864, № 12, стр. 189).

В силу ряда причин, «Искра» весьма скептически относится и к «музыке будущего» Вагнера, к его гастроллям в Петербурге в 1863 г.¹⁵ Вокруг музыки Вагнера вообще в это время велись ожесточенные споры (см., например, «Голос», 1863, №№ 47, 53, 59, 71). В «Искре» (1863, № 10, стр. 139) помещены две карикатуры Степанова, объединенные общим названием: «Публицистика «Русского листка» для отживших и музыка для неродившихся (Zu künft musik — Вагнера)». На одной из них композитор обращается к своему почитателю с вопросом: «Странно: моей музыки «будущности» французы не оценили, а русские псняли — почему это? — Потому что русские живут теперь в будущем». Насмешки над «музыкой будущего», над ее непонятностью содержатся и в №№ 12, 13 за тот же год (стр. 166, 191). Так, напр., на стр. 191, № 13 нарисован Вагнер, который «скачет в будущность». Об опере Вагнера говорится: «Действие до сотворения мира, музыка для пробуждения мертвых в день суда». Здесь же изображены «серенькие газетки», твердящие публике: «Чтоб идти вперед, надо вернуться назад». Такого же рода отклик, хотя и очень краткий, имеется в февральской хронике «Нашей

¹⁴ Помешать — франц.

¹⁵ Ямпольский, стр. 131.

общественной жизни» (1864). Щедрин сравнивает в ней вой мятели с «музыкай будущего» и с визгами реакционных публицистов (265). Характерно, что у Щедрина, как и в «Искре», Вагнер и его музыка как-то сближаются с явлениями реакционной журналистики.

Без особой симпатии упоминают Щедрин и «Искра» о гастрольях Верди и о постановке на петербургской сцене его оперы «Сила судьбы». О Верди неоднократно шла речь в «Искре» (см., напр., карикатуру «Разные силы», 1862, № 46, стихотворение Минаева «В гостях, как дома. Из записной книжки путевых впечатлений маэстро Верди», 1863, № 3 и др.)¹⁶ Здесь высмеивалась дороговизна постановки «Силы судьбы», пренебрежение театрального начальства к русской опере. Карикатура «Разные силы» содержала, видимо, и намек на известную в свое время Мину Ивановну Буркову, влиятельную любовницу министра императорского двора и уделов В. Ф. Адельберга: среди различных сил, определяющих судьбы оперы, названа и «Сила взгляда, жеста, мины»¹⁷ Эта надпись сделана над рисунком женщины, сидящей в ложе. От ее глаз тянутся нити к некоему значительному лицу, от каприза которого зависит постановка оперы. Намек на Буркову, хотя и не в связи с Верди, содержится и в январской хронике «Нашей общественной жизни» (1864). Речь там идет, как и в «Искре», о театре, о «пресловутой» Шарлотте Ивановне, которая «роскошествовала в бель-этаже» (246). Верди же, его оперу «Сила судьбы» Щедрин оценивает весьма иронично в январско-февральской хронике за 1863 г.: «Какое ему (читателю — П. Р.) дело до того, например, что такого-то числа Петербург был осажден прибывтием композитора Верди, который самолично дирижировал оркестром во время представления новой его оперы «Силы судьбы» (39).

Борьба за национально-самобытное реалистическое искусство, полезное народу, искусство глубоких мыслей и важного общественного содержания, сказалась и в тех выступлениях, которые явились откликом на академическую художественную выставку 1863 г. В №№ 37—38 «Искры» была напечатана статья И. И. Дмитриева «Расшаркивающееся искусство». Она, по словам Ямпольского, — одно «из самых значительных выступлений революционной демократии в области художественной критики»¹⁸. Одновременно со статьей Дмитриева опубликован фельетон Минаева «Путеводитель по художественной годичной выставке» (№№ 36, 37). Выставка посвящена и серия карикатур «Художественная выставка» (№ 40)¹⁹ В ноябрьской хронике «Нашей общественной жизни» (1863) Щедрин также дает оценку выставке. Он, как и сотрудники «Искры», отмечает условность сюжетов, тщательную внешнюю отделку, техническое мастерство и в то же время отсутствие значимого содержания в большинстве экспонируемых картин. Знаатоки-педанты, по мнению Щедрина, «могут, если желают, уловлять правильность носов в других картинах, в изобилии находящихся на выставке, в полотнах Флавицкого, Плешанова, Венига. По поводу картины последнего, «Ангелы, возвещающие гибель Содомы», Щедрин с иронией восклицает: «о, истинное торжество прекраснейших носов!» (169)²⁰ Как и в «Искре», в «Нашей общественной жизни» высоко оценивается картина художника Ге «Тайная вечеря».

Весьма вероятно, что сходство многочисленных откликов (число их можно бы умножить) на те же события иногда объяснялось прямым взаимовлиянием. Но само по себе это сходство еще не свидетельствует о взаимовлиянии. Одни и те же факты, воспринятые публицистами со сходным миро-

¹⁶ Ямпольский, стр. 131.

¹⁷ Курсив мой — П. Р.

¹⁸ Ямпольский, стр. 301.

¹⁹ Об откликах в «Искре» на художественную выставку, о сходстве оценок Щедриным и Дмитриевым «Тайной вечери» Ге см.: Ямпольский, стр. 301—306.

²⁰ Сравн. с рассуждениями Дмитриева об «искусстве», широко представленном на выставке, редко выходящем «за пределы умения правильно расставлять глаза, уши и носа» (№ 37, стр. 510).

воззрением, и без прямого взаимовлияния отражались примерно одинаково. Однако в «Искре» и в «Нашей общественной жизни» встречаются образы, мотивы, приемы, обороты, сходство которых не всегда объяснимо близостью мировоззрения и общностью изображаемого предмета. Вряд ли следует и здесь акцентировать вопрос о прямом влиянии «Искры» на Щедрина или Щедрина на «Искру». Источник влияния далеко не всегда можно точно установить. В одних случаях сходные материалы появились первоначально в «Искре», в других — в «Нашей общественной жизни», в третьих — в произведениях сотрудников «Современника», «Русского слова», «Очерков», «Современного слова», других демократических изданий 1860-х гг. В статье В. В. Гиппиуса «Литературное окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина» отмечалось, что «Искра» «оказывается таким образом своеобразной лабораторией, вырабатывающей в качестве литературного сырья, сатирические мотивы и композиционно-стилистические приемы, которые затем поступали в обработку к гениальному мастеру»²¹ Гиппиус иллюстрирует свое положение на материале более позднего творчества Щедрина, но его выводы можно подтвердить и на щедринских текстах, созданных почти одновременно с откликами «Искры».

Останавливаясь на близости мотивов и композиционно-стилистических приемов Щедрина и «Искры», Гиппиус убедительно доказывает, что в подобных случаях «проблема первенства», «*фактического влияния* одного произведения на другое» отодвигается на задний план. Главным оказывается «Самый факт *распространенности* данной темы или данного приема в известных условиях и в известной среде»; «вопрос о личном знакомстве или незнании автора с тем или другим литературным прецедентом получит значение второстепенное»²² Но и при таком подходе детальное выявление фактов сходства образов, мотивов, приемов и т. п. имеет большое значение, помогая выснить степень распространенности, идейно-художественной близости определенных литературных явлений.

К. И. Чуковский в книге «Мастерство Некрасова» отмечает, что революционные демократы 1860-х гг., стремясь обойти цензурные рогаки, мастерски используя возможности эзоповой речи, создали особый язык, стиль, рассчитанный на длительное планомерное воздействие. Одна из важных особенностей его — «коллективность < . > применения» и создания; он стал «созданием всей группы писателей, руководивших журналом. То был их общий язык»²³. В нем зашифровывались не отдельные слова, а мысли. Создавалась определенная двуплановость речи, хорошо воспринимаемая искусственным читателем.

Границы выводов Чуковского можно несколько расширить. «Общий язык», о котором говорится в книге, характерен не только для сотрудников одного журнала (напр., «Современника»), но, в какой-то степени, для всей демократической журналистики 1860-х гг. Он выходит за рамки применения приемов эзоповой речи, он шире ее, хотя часто и непосредственно связан с ней. В этом языке используется зашифровка не только мыслей (хотя она и наиболее характерна), но и отдельных слов, не только метод планомерной осады, но и внезапный наскок. К. И. Чуковский, как пример зашифровки отдельных слов, не характерной, по его мнению, для «общего языка», приводит игру словом «крепость» в одном из стихотворений Некрасова 1863 года: «Узнайте мой ужасный нрав, И мощь мою и — крепость». Двойной смысл слова «крепость» позволил Некрасову провести через цензуру намек на правительственную расправу с революционерами²⁴. Но такую же игру слов

²¹ В. Гиппиус, Литературное окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Родной язык в школе», 1927, кн. 2, стр. 73.

²² Там же, стр. 78.

²³ Корней Чуковский, Мастерство Некрасова, изд. 4-е, М., 1962, стр. 683, 684.

²⁴ Там же, стр. 672.

можно обнаружить и в «Искре». Там опубликована карикатура, на которой изображены отец и сын, разговаривающие между собой. Отец поучает сына: «Слабость оставь бабам, а тебе нужна крепость». Сын в ответ: «Ну, папенька, на это я не согласен» (1863, № 3, стр. 32).

В демократических изданиях применяются часто одни и те же образы, приемы, формулы, поступившие в коллективный оборот. Так, после публикации романа Чернышевского «Что делать?» в «Искре» используется образ «проницательного читателя» (см. статью «Проницательные читатели», 1863, № 32, «Мыльные бранятся — только тешатся», 1864, № 2, стр. 24, «Громы и молнии прогресса или яд нигилизма», 1864, № 16, стр. 236). Широко используются рассуждения «о погоде» для обозначения усиливающейся реакции. Описание непостоянства петербургской весны служат для обозначения недолговечности и обманчивости правительственного либерализма. Напр., в «Поморном месяцеслове» («Искра», 1863, № 1, стр. 7) говорится, что «в апреле еще рано выставлять оконные рамы < . > и вообще апрель ненадежный месяц». Аналогичным рассуждением об оконных рамах начнет позднее Чернышевский роман «Пролог»: «Было начало весны 1857 года. Весь образованный Петербург восхищался прекрасным началом своей весны. Вот уже третий день погода стояла не очень холодная, не совсем пасмурная; иной час даже казалось, будто хочет проясниться. Как же не восхищался бы образованный Петербург? Он был прав, если судить его чувство по петербургским понятиям о весне. Но, восхищаясь весной, он продолжал жить по-зимнему, за двойными рамами. И в этом он был прав: ладожский лед еще не прошел»²⁵

В нашу задачу не входит подробное исследование таких общих образов, мотивов, приемов. Отметим лишь, что Щедрин и сотрудники «Искры» внесли значительный вклад в сокровищницу коллективного языка демократической журналистики 1860-х гг. и широко пользовались им. Учитывая это, можно понять многие параллели, обнаруженные при сопоставлении «Нашей общественной жизни» и «Искры». Число таких параллелей довольно значительно. Напр., в № 26 «Искры» (1862) упоминается «убогая газетка» (стр. 353). Ее комплект за три года скармливают свиньям, и те подыкают от содержащейся в ней отравы. «Убогая газетка» встречается и у Щедрина. У него это название, как, видимо, и в «Искре», относится к реакционной газете Н. Ф. Павлова «Наше время». В апрельской хронике за 1863 г. Щедрин пишет по поводу антинигилистических выпадов «Нашего времени»: «Недавно, например, случилось мне вычитать в одной убогой московской газетке. . » (82). В майской хронике за тот же год название «убогая газетка» повторяется: «Неужели мы и прямь дадим Н. Ф. Павлову повод злобно восклицать в своей убогой газетке» (130). В мартовской хронике (1863) это название, в несколько измененной форме («Убогий листок») используется для характеристики «Русского листка» (71).

Говоря о наступлении реакции, о тягостной общественной атмосфере, явившейся результатом этого наступления, Щедрин в январской хронике за 1864 г. отмечает, что цвет времени, «с которым мы должны иметь дело < . > есть цвет серый» (246). О сером цвете времени неоднократно говорила и «Искра». В «Отчете 1862 года» (1863, № 1) замечалось, что старый год «примирил большинство журналов, сообщил им особенный запах и дал серенькую форму будочников» (стр. 2). «Серенькие журналы» упоминаются в отчете несколько раз. О «сереньких газетках» идет речь в № 13 за тот же год (стр. 191). В № 2 за 1864 г. помещена карикатура с подписью: «Публичная выставка журналов. Преобладающий цвет — серый. Большой спрос на серый цвет» (стр. 22). Здесь же на обложке изображен старый год, в виде ражего детины, пляшущего с «Московскими ведомостями» в руках. Рисунок сопровождается подписью: «1863 г. удаляется со сцены, начитавшись, нализавшись и наплясавшись» (стр. 21). Многое в этих карикатурах перекликается не только с «Нашей общественной жизнью», но и со ста-

²⁵ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1949, стр. 5.

тнями Щедрина 1863—1864 гг., с его рассуждениями о «литературных будочниках»: «По поводу чего вы так расплясались? Рады вы, что ли, тому, что льется человеческая кровь?» («Литературные будочники», «Современ.» 1863, № 3, стр. 52). Говорит Щедрин и о «не совсем хорошем аромате», о «неблагоприятном запахе», распространяющемся от реакционных изданий (см. майскую Хронику «Нашей общественной жизни» за 1863 г., 116, «Сказание о том, что есть и что была Россия», «Современник», 1863, № 10, стр. 318).

В февральской хронике «Нашей общественной жизни» за 1864 г., размышляя о мрачной атмосфере застоя, о народной пассивности, Щедрин обращается к образу времени — Сатурна: «Непроницаемая тьма свинцовым положом ошметнилась и отяжелела над этими хижинами, и в этой тьме безраздельно царствует старый Сатурн, заживо поедающий детей своих» (275). Образ Сатурна-Времени неоднократно использовался и в «Искре». В № 40 (1862), в «Заграничных письмах Ильи Чичервина» говорится: «Я всегда удивлялся в мифологии аппетитам Сатурна, пожирающего детей своих» (стр. 535). Сатурн с косой изображен и в 49 № (1862). В № 1 за 1863 г. на обложке нарисована карета, уезжающая в вечность. На козлах ее сидит Сатурн. Далее идет «Отчет 1862 года» Сатурну. В № 50 (1863) опубликовано стихотворение «Поэт и Сатурн». На обложке № 1 (1864) Сатурн приносит новый год. На обложке № 2 Сатурн в страхе отступает перед пляшущим 1863 годом. Итак, образ Сатурна встречается в «Искре» постоянно. Естественно, что этот образ появляется и в других демократических изданиях.

Как символ полного перехода в реакционный лагерь, разрыва со всяким подобием либерализма и вольномыслия Щедрин употребляет в мартовской хронике (1864) формулу «по всем по трем». Характеризуя эволюцию Русанова, героя антинигилистического романа «Марево», сатирик замечает, что она заканчивается периодом, который «может быть назван периодом «по всем по трем»» (322). Цитируемые Щедриным слова восходят к стихотворению Ф. Н. Глинки «Сон русского на чужбине». Часть этого стихотворения стала популярной песней «Вот мчится тройка удалая». В последнем куплете ее имеются слова: «И вдруг взмахнул по всем по трем». Формула «по всем по трем», примерно в таком же осмыслении, как и у Щедрина, встречается в «Искре». В № 2 (1863) помещена карикатура Степанова «Публицист и современные вопросы». На ней изображен публицист «Русского листка», который колотит одновременно по трем барабанам. На них написано: «События в отечестве», «Вести и голоса из провинции», «Земское дело». «Публицист — Китай по всем по трем! Брр... Брр. та. та. трам. трам! Публика — Как, разом на трех инструментах! г-н публицист, пошадите нас!» (стр. 19). Возможно, формула «по всем по трем», употребляемая Щедриным и «Искрой», как-то перекликается со словами Герцена об Александре II. В статье «По поводу студентских избиений», напечатанной в 113 л. «Колокола» (1861), отмечая поворот правительства к реакции, Герцен говорит о трех путях, лежащих перед преемником Николая. Один из них — путь неприкрытой реакции: «давить всякое проявление жизни до тех пор, пока лопнут мышцы у того, который давит, или у того, которого давят. По какой же дороге поехал наш Иван Царевич? По всем по трем»²⁶.

И в «Нашей общественной жизни» и в «Искре» сходным образом обыгрывается слово «ерунда». Первоначально его применяли, имея в виду приложение к журналу Л. Камбека «Петербургский вестник». Камбековскую «Ерунду» «Искра» высмеивала неоднократно (статья В. Курочкина «Г Камбек на новом поприще деятельности», 1861, № 47, его фельетон «Полемические приемы и нравственные принципы г-на Охочеекомонного», 1862, № 5, стихотворение «Благоразумная точка зрения», 1862, № 6 и др.). Но вскоре

²⁶ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати тт., т. 15, М., 1958, стр. 198. Курсив мой — П. Р.

слово «ерунда» начинает использоваться «Искрой» для характеристики почвеннического направления, тенденций журналов «Время» и «Эпоха». Так, в сценах «Литературный маскарад» (1863, № 1) почвеннический критик А. Григорьев характеризует как «крайняя грань ерундического типа сороковых годов». Там же Косица-Страхов утверждает, что заразился «Идей великих ерунду» (стр. 12). «Ерунда» упоминается в фельетоне «Ванна из «почвы»» (1863, № 7). В сатирической поэме «Призраки» (1864, № 13) «ерунда» оказывается вдохновительницей «болезненной» поэзии. В № 32 за тот же год, в связи с начавшейся полемикой «Современника» с «Русским словом», печатаются «Видения редакторов (из эпической поэмы «Ерундиада»)».

В «Нашей общественной жизни» Щедрин широко использует формулу «ерунда» в борьбе с «Русским словом», наполняя ее новым содержанием. Уже в февральской хронике (1864) Щедрин говорит о двух видах «ерунды»: «Есть ерунда размазисто-благонамеренная, и есть ерунда пронзительно-неблагонамеренная» (293). Под первой, видимо, подразумевается и обычное искровское определение «ерунды», относящееся к почвенникам. Вторая характеризует лагерь «Русского слова». По мысли Щедрина, граница, «которая отделяет обе эти ерунды, до того тонка, что нельзя сказать, где кончается первая и где начинается вторая» (293). В мартовской хронике (1864) сатирик называет «Русское слово» «невинным, но разухабистым органом невинной нигилистической ерунды» (324). В той же хронике он замечает, что «мудрость будущего», которую проповедуют «вислоухие», «смаживает на ерунду» (328). Позднее Щедрин называет критика «Русского слова» В. Зайцева «одним из знаменитейших наших ерундистов», а его единомышленников «ерундоносною братиею» (365).

С «Искрой», вероятно, связано, в какой-то степени и обращение Щедрина к образу Козьмы Пруткина. В №№ 26, 28 (1860) «Искры» напечатаны «Мысли и афоризмы — плоды раздумья» Козьмы Пруткина. Предыдущая серия такого рода изречений Пруткина публиковалась в 1854 г. в «Современнике», и вряд ли Щедрин имел ее в виду. Уже первый из прутковских афоризмов мог подать повод для щедринского сопоставления естественно-научных взглядов сотрудников «Русского слова» с Прутковым: «Всякая голова подобна желудку: в иной извне входящая пища непрестанно сваривается, другая же и самым легким яством нарочито засоряется». В «Нашей общественной жизни» Щедрин замечает, что «псевдоиспытатель Крольчиков» — «воспитанник Кузьмы Пруткина, у которого и заимствовал свои сведения по части естествознания» (345). Сближение имен сотрудников «Русского слова» с Козьмой Прутковым у Щедрина встречается и в статьях, примыкающих к «Нашей общественной жизни» («Литературные мелочи», 459, «Отрывок из полемической статьи», 480).

Видимо, связаны между собой щедринские и искровские высказывания о «скачках», коренных общественных изменениях. Так, в «Заграничных письмах Ильи Чичеркина» «герой» говорит о «скачках» следующее: «В природе не бывает скачков, и самая свобода < . > таковых скачков терпеть не должна» (1862, № 19, стр. 278). В ноябрьской хронике «Нашей общественной жизни», в полемике с программным заявлением редакции «Времени» об издании журнала в 1863 г., где содержались выпады против «скачков» и «salto mortale», Щедрин изображает старца, который твердит: «Ну, нет, прыгать я не согласен» (195—196). Сатирическую характеристику, данную Щедриным, подхватывает «Искра», публикуя сцену «Утро у редактора» (1864, № 11), в которой редактор Недостойный (Достоевский) запрещает кухарке Матрене «скакать»²⁷.

И Щедрин и «Искра», намекая на правительственные расправы с революционерами, затрагивают тему «исчезновения» людей. Январско-февральская хроника начинается с упоминания, что «такого-то, например, числа г. М.

²⁷ Ямпольский, стр. 187, 277, 574; С. Борщевский, Щедрин и Достоевский, М., 1956, стр. 75.

исчез из своей квартиры неизвестно куда» (39). О господине М. (вероятно, Михайлове) говорится и на следующей странице. Любопытно, что Щедрин заставляет провинциального читателя реагировать на подобные сообщения следующим образом: «ну, исчез М., ну и нашла его, конечно, полиция!», непосредственно связывая подобные «исчезновения» с полицейским ведомством. Аналогичная тема встречается и в «Искре». В № 8 (1863) помещена карикатура: «профессор магии» Галюше читает афишу. В иностранном тексте ее говорится, что спектакль «заклучится исчезновением многих лиц». В русском тексте эти слова опущены. Галюше недоумевает: «Отчего же из русского текста это выкинуто? — Не пропустили; говорят, что это обижет их отыскивая исчезающих людей, а у них и без того много дела» (стр. 110). Не исключено, что карикатура «Искры» — отклик на только что опубликованную «Нашу общественную жизнь».

Важное место у Щедрина и в «Искре» занимает тема превращения вчерашних вольнодумцев, «нигилистов» в благонамеренных обязателей. В период спада революционной волны эта тема приобрела особое значение. Видимо, и в решении ее тоже можно предполагать иногда взаимовлияние. Так, для характеристики несерьезности либерального «вольномыслия» и Щедрин и «Искра» обращаются к сравнению такого «вольномыслия» с мыльными пузырями. «Мыльные пузыри» — название статьи Стопановского, высмеивающей прекраснуюдушную либеральную фразу (1863, № 2). В январско-февральской хронике, рассказов о девице, важно толкующей о Шлейдене, с ретогоградстве Тургенева и т. п., Щедрин добавляет: «Какой милый пузыри!» (41).

В «Искре» публикуются материалы, напоминающие известные размышления Щедрина о превращении «нигилистов» в «титularных советников». Так, в «Хронике прогресса» (1862, № 41) говорится, что «симпатии человеческие так же непонятны, как и антипатии. Кто объяснит: каким образом, например, может нигилист превратиться в постепенновца, а постепенновец в нигилиста? Подобные превращения, как известно, у нас бывают сплошь и рядом, а согласитесь сами, что без посредства тайных симпатий постепенновца к нигилизму и нигилиста к постепенновщине подобных превращений положительно невозможно представить» (стр. 543—544). Привиденные рассуждения относятся к либеральной журналистике, поворачивающей в период реакции вправо, в какой-то степени они ориентированы на Каткова. В № 25 (1863) отмечается, что «нигилисты» сохраняют свой облик на Мещанской, но превращаются в консерваторов на Невском проспекте (стр. 343). Характерно, что и щедринский Вася Чубиков считает, что «нигилисты» должны обитать на Мещанской. Он возмущается, что они «лезут» на Невский проспект (314). В рецензии Щедрина «Несколько серьезных слов по случаю новейших событий в С.-Петербурге. .», напечатанной в № 4 «Современника» за 1863 г., говорится, что прежние «прогрессисты» — это нынешние «титularные советники», а нынешние «прогрессисты» заключают в себе, «как в зародыше, будущих титularных советников» (т. V, стр. 300). Это высказывание направлено, в первую очередь, против «титularных советников», Каткова и других реакционных публицистов, выступавших некогда в роли «прогрессистов». Оно во многом перекликается с высказываниями «Искры». Но, как и в «Искре», подобные рассуждения в какой-то степени направлены и против современных «прогрессистов», которые, по мнению Щедрина, могут проделывать путь, пройденный в свое время Катковым и ему подобными. Позднее, в «Нашей общественной жизни», полемизируя с «Русским словом», Щедрин акцентирует именно этот второй смысл. В декабрьской хронике за 1863 г. он пишет, что «так называемые нигилисты суть не что иное, как титularные советники в первоначальном диком и нераскаянном состоянии, а титularные советники суть раскаявшиеся нигилисты» (236). Ту же мысль Щедрин повторяет в январской хронике за 1864 г. (248), направляя ее против сторонников «Русского слова», которое, по Щедрину, пренебрежительно относится к народным движениям, к «жизненным трепетаниям», отказавшись от практических действий, направленных на коренное изменение современной

действительности, резко эволюционировало вправо²⁸ Не случайно Щедрин здесь же заставляет одного из сторонников взглядов «Русского слова», в ответ на упрек, что он рассуждает «уже слишком приблизительно к «Русскому вестнику» (247), произнести слова: «Э, батюшка! Все там будем!», т. е. в лагере реакции (248). Любопытно, что и эти слова как-то перекликаются с одной из карикатур «Искры». В № 8 (1863) изображен пьяный, лежащий на мостовой. Будочник поднимает его, предупреждая, что он может умереть на улице. Пьяный в ответ: «все мы там будем», т. е. на том свете. Возможно, Щедрин обратил внимание на эту карикатуру, используя подпись под нею в полемике с «Русским словом», вложив в нее значительно более острое содержание.

Весьма интересным представляется обращение в «Искре» и в «Нашей общественной жизни» к образу Бенескриптова. В январской хронике «Нашей общественной жизни» за 1864 г. Бенескриптов изображен в числе пирующих у литературного мецената (249). Известно, что, говоря о Бенескриптове, Щедрин имеет в виду Писарева, что под именами Ризположенского, Крольчикова, Семечкина изображены другие сотрудники «Русского слова», а литературный меценат — издатель «Русского слова», граф Г. А. Кушелев-Безбородко. Щедрин опасается, что разочарование в народе, поворот от интересов общественных к естественно-научным, групповая замкнутость сотрудников «Русского слова» могут привести их к потере идейности, к полному подчинению богатому меценату, превратить их в прихлебателей случайного владельца журнала, заставить служить чуждым интересам. Сатирик в какой-то степени выделяет Писарева из общего ряда, дав ему имя Бенескриптов (хорошо пишущий), но опасения Щедрина относятся и к Писареву.

Подобная проблема, хотя в несколько ином аспекте, затрагивается и в «Искре». В № 42 (1862) напечатаны сцены Пр. Преображенского (Н. С. Курочкина) «Пауки и мухи» (Опыт современной комедии — в двух сутках и действиях). Герой их — писатель Бенескриптов, гордящийся своей принципиальностью и прогрессивностью. Бенескриптов, — противник Каткова, Павлова, «Нашего времени», он иронизирует над Чечериним, над Д. Ф. Щегловым, умеренно-либеральным публицистом, печатавшимся под псевдонимом Охочекомонный. Незадолго до этого Щеглов поместил в «Библиотеке для чтения» за подписью М. К. Пасквильную статью, направленную против Чернышевского, «Современника», «Искры».²⁹ Бенескриптов с возмущением реагирует на поворот либеральных изданий к реакции, на призывы к расправе с революционерами, появляющиеся в таких изданиях: «Бенескриптов (в экстазе)

Добро б Катков, добро б Скарятин
Лукавий прелестью речей
(Источник коих так понятен)
Сбивали нас с прямых путей,
Добро бы Павлов многоценный.

(думая) Наше время Чичерин Куклеван народ ждёт казней и
виселиц, ему необходимо отмщенье <. > Охочекомонны! Охочекомонны!
(бросая перо). Нет, решительно не могу писать сегодня, в голове какой-то
мрак, который особенно усилился, когда я мысленно произнёс последнюю
фамилию. . Да и фамилия ли это точно, а не что другое, весьма нескладное»
(568).

Бенескриптов беден, но он гордится тем, что «ни разу не сказал печатно ничего того, чего я не думаю, ничего такого, что могло бы принести хотя на волос вреда моим ближним, ничего, что хотя сколько-нибудь способствовало бы увеличению гнета и мрака в темном царстве» (568). Последние слова связывают Бенескриптова с кругом идей Добролюбова. Бенескриптов настаивает, что он «не господин», а «труженник, вечно недовольный, вечно

²⁸ Здесь не затрагивается вопрос о степени справедливости этого мнения.

²⁹ Ямпольский, стр. 204—205.

голодающий» (568). Кухарка приносит письмо от Матвея Кассандровича Маевского (г. е. Андрея Александровича Краевского — П. Р.). В письме, в самых почтительных тонах, Маевский предлагает сотрудничество в своем журнале. Бенескрипов хорошо знает цену Маевскому, он возмущен реакционными статьями, опубликованными в последнее время в журнале. Первоначально Бенескрипов хочет решительно отвергнуть соблазнительные предложения, принятие которых может избавить его от нужды: «Нет, брат, это дудки! шалишь! не надуешь. *Какие угодно условия от вас зависит*. А как ты думаешь, приятно писать в таком журнале, где требуют виселиц! Какими глазами я буду глядеть на тех, кто меня уважает, кого я уважаю?» (569). Но к следующему дню Бенескрипов все более склоняется к тому, чтобы принять предложение Маевского. Он убеждает себя, что это — не измена прежним принципам, а лишь только компромисс: «если я, вместо отказа, приму предлагаемые мне условия, разве я не сделаю только компромиссы? Журнал, во всяком случае, почтенный и солидный. Кто там не участвовал? Что же такое, что в последнее время там помещено несколько ультра-ретроградных статей? разве это может ко мне относиться? разве я их писал? < . > Что ж, что я перемене знамя? — это знамя тоже приличное. Некогда оно было даже весьма почетного цвета ³⁰ полиняло только! ух как полиняло, совсем вылиняло!» (569). Сомнения Бенескрипова заканчиваются тем, что он решает принять предложение Маевского, утешая себя, что время, «когда слово и дело будут идти рука об руку, еще не наступило. Для этого надобно быть героем. Где эти герои? В журнале могут печататься дикие статьи, но *только из-за этого* — предпочитать сотрудничеству в нем всевозможные лишения — может хорошо будет через 20 лет — а не теперь < . > Нечего делать!.. Я решил. . я принимаю любезное приглашение Матвея Кассандровича» (569). Историю Бенескрипова на всем протяжении сопровождает рассказ о гибели пчелы, случайно залетевшей в комнату. Паук заманивает пчелу в свою паутину, он высосет её жизнь, мысль, оставит лишь обескровленный труп. Подобная судьба ждет самого Бенескрипова, и в жужжании бьющейся пчелы он слышит укоряющие слова: «Чернышевский, Чернышевский, Чернышевский».

Сцены, опубликованные в «Искре», не имели в виду Писарева, «Русское слово». Речь здесь шла о ренегатстве либеральных журналистов, о превращении вчерашних «нигилистов» в «благонамеренных». Но, используя ситуацию этих сцен, имя Бенескрипова, было весьма удобно выразить те опасения, которые Щедрин испытывал, оценивая позицию «Русского слова». По мнению сатирика, для сотрудников журнала Благовосветлова, для Писарева вполне реальной оказалась угроза проделать тот же путь, который прошел искровский Бенескрипов. Напоминание о нем звучало своего рода предостережением.

³⁰ Видимо, намек на сотрудничество в «Отечественных записках» 1840-х гг. Белинского.